

В Большом зале Московской консерватории, как уже сообщали «Известия», 14 декабря откроется «Певческие биеннале: Москва—Петербург». Без преувеличения: нам выпало счастье услышать наконец звезд мировой оперы — наших соотечественников, слава которых началась с конкурса имени Чайковского, со сцен Большого и Мариинского театров.

К сожалению, о Владимире Чернове или, например, о Паате Бурчуладзе нам и сейчас известно очень мало, давно не знаем мы ничего о Людмиле Шимчук, Владиславе Пьявко, Владимире Атлантоне. А ведь они украшают сегодня спектакли «Ла Скалы», «Метрополитен-опера», «Ковент-Гардена», оперных театров Вены, Рима, Мадрида, Парижа...

Первый в программе фестиваля — сольный концерт Марии Гулегиной. В Москве певица выступала до сих пор всего дважды — на конкурсе Чайковского в 1986 году и в Колонном зале Дома союзов. По сути, нам предстоит заново открыть ее для себя — ту сегодняшнюю Марию Гулегину, о которой газета «Таймс» недавно писала: она «обладает исключительным драматическим сопрано, легко преодолевающим вокальные препоны. Выходная партия Эльвиры в опере «Эрнани», подвигавшая многих певиц (в том числе Френи, когда она пела эту партию в «Ла Скала» десять лет назад) не вызвала у Гулегиной никакого труда...»

Мария находится ныне в замечательной поре артистической зрелости и мировой известности. Но оборотная сторона славы — вечная занятость, жесткий режим дня. На это и «нажимал» продюсер фестиваля Игорь Беляев, когда я попросил его об эксклюзивном интервью певицы для «Известий». Не уверен, сказал он, у Марии спектакли в Нью-Йорке, потом — Гамбург, где как раз в эти дни у нее житейские заботы...

И вдруг в 12 ночи звонок: «Если Мария позвонит сейчас — не поздно? В Гамбурге десять вечера...» — «Жду!»

Очень красивый, грудной тембр голоса:

— Извините за звонок в позднее время. Я очень рада поговорить. Для меня этот концерт в Москве — тоже особое событие.

— После Одесской консерватории вы с 1983 года работали в Минске. И вот уже четыре года поете за рубежом. Говорят, вас не очень жаловали в Белорусском театре оперы и балета. Особенно когда вы вернулись с гастролей в «Ла Скала»: подумаешь, выступала с Паваротти... Осталась обида!

— За что? Минской опере я только благодарна. Я не была там самой несчастной, меня «давили» не больше других, все было нормально: в таких нетепличных условиях артист как раз и закаляется. Случился трения с главным дирижером Анисимовым — Бог ему судья. Зато мне повеселилось работать с Ярославом Антоновичем Вошчаком, замечательным дирижером и человеком. Он собрал молодых певцов, многое

ныи устроили с «заокеанскими» земляками. И если мы так же станем смотреть на своих певцов, то, во-первых, перестанем звать их эмигрантами и, во-вторых, будем чаще слышать их у себя.

И все-таки вопрос о материальной стороне жизни артиста остается. Зарплата певица в России

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ОПЕРЫ В ЭМИГРАНТАХ НЕ ЧИСЛЯТСЯ

Певица Мария Гулегина дает эксклюзивное интервью «Известиям»

Известия - 1994 - 1 дек. - 57

нам дал. С ним я готовила Розину в «Севильском цирюльнике», Елизавету в «Доне Карлосе». Тепло всегда думаю о Геннадии Пантелеймоновиче Провоторове: сейчас он работает в Москве в Музыкальном театре. Прекрасный дирижер, учивший добиваться немного большего, чем можешь. Когда договаривались о предстоящем московском концерте, я сразу же решила: дирижировать оркестром будет Геннадий Провоторов... Кем стала бы я без этих людей? Получила бы профсоюзное кресло в обмен на послушание и ждала бы своей очереди два раза в месяц... Нет, о Минске я вспоминаю с удовольствием.

— И все-таки при возможности там не задержались...

— Была серьезная причина. Впрочем, несколько причин. Я, например, настаивала на принятии повсюду принципе петь оперу на языке оригинала. В Минске этого не принимали. Постепенно становилось тесно и в рамках репертуара: хотелось петь нечто другое, но в Минске это другое не ставилось. Поймите: здесь главная причина, по которой артист покидает свой родной театр. Не деньги, даже не бытовые трудности — решает стремление к творческой свободе. Во всяком случае, для меня основной была открывшаяся возможность петь во все новых и новых постановках, учить новые партии, представлять новые образы, и при этом так, как я их понимаю. Такую возможность дает работа в нескольких разных театрах, часто с различным творческим лицом.

Слушая Марию, я подумал: а действительно, не посмотреть ли нам на артиста как на личность, ищущую, где ей лучше работает? Разве Шалапин, Смоктуновский, Олег Борисов не переходили из театра в театр? Труппа от этого становилась беднее, но это уже проблема руководителей труппы, их умения находить новых Борисовых и Атлантовых. Кстати, мы уже смотрим так на футболистов и хоккеистов, даже матч хоккей-

ском оперном театре, в сущности, издевательская — не больше ста долларов в месяц, тогда как за рубежом, даже в среднем она превышает 5—7 тысяч. Я спросил Марию, что она думает об этом.

— А то, что моя мама, заведующая лабораторией особо опасных инфекций, имевшая к тому же множество печатных работ, всю жизнь получала гроши — это нормально? Артисту платят безобразно мало, но речь должна идти вообще об оплате труда, нельзя держать весь народ в состоянии хронического безденежья.

Что же появилось в репертуаре Гулегиной за последние четыре года? В Минске она пела в «Онегине», «Иоланте», «Севильском», «Доне Карлосе» и «Аиде». В «Ла Скала» прибавились «Бал-маскарад», «Тоска», «Манон Леско», «Пиковая дама», «Два Фоскари». В «Метрополитен-опера» — «Андре Шенье», «Сельская честь», «Паяцы». В Токио — «Трубадур», «Отелло», в Париже — «Набуки», в Риме — «Макбет». Впереди «Федора» в Лондоне с Пласидо Доминго (кстати, эта опера — на сюжет из русской жизни).

— Вы постоянно живете в Гамбурге!

— Трудно сказать, где мы с Марком живем постоянно (Марк Гулегин — муж Марии, оперный певец. В последнее время полностью посвятил себя жене: «Он один знает мой голос, чувствует мое состояние, он и врач, и кормилец, и репетитор»). Но Гамбург я очень люблю, он напоминает мне Одессу, откуда я родом, и Минск одновременно: здания похожи на одесские, а природа, погода, грибы — белорусские.

На сценах многих оперных театров Марии приходилось не раз петь с Паваротти, с выдающимися современными певцами. Встречается ли с земляками? Да, конечно, в Нью-Йорке пела с Атлантовым в «Паяцах», в Израиле — с Бурчуладзе в «Аиде». В «Метрополитен-опера» к ней за кулисы приходил Дима Хворостовский.

Видится она и с Любовью Казарновской, Людой Шимчук, Гегамом Григоряном, Ольгой Бородиной, Сергеем Лариным, Валерием Алексеевым. (Сколько же «наших» поют сегодня «там», кто следующий?). Но особенно гордится она работой с Пласидо Доминго: «Пласидо не только великий артист, но великий человек — добротой, душевным теплом, умом, тактом».

— Перелеты, переезды — не отражаются ли это на голосе, на здоровье хрупкой женщины!

— Нелегко, конечно. Непросто. У меня правило: приезжаю на «место выступления» хотя бы на сутки раньше, а возвращаюсь домой в день, когда нет спектакля. Исключением будет Москва: концерт 14-го, а приеду я 9-го.

Программа концерта Марии Гулегиной в Большом зале Консерватории необычайно сложна. Тоска, Манон Леско, Амелия из «Бал-маскарада», Аида, Елизавета из «Дона Карлоса», Дездемона, Эльвира из «Эрнани», Розина и, наконец, Одабелла из не шедшей у нас оперы «Аттила» — разные человеческие характеры, различные технические пределы требуют драматических и вокальных «перегрузок».

Еще одна примечательная деталь. Программа концерта помогает представить современный уровень мировой оперы, показать, что идет сегодня на оперных подмостках. Продюсер фестиваля Игорь Беляев рассказал, что нот «Аттилы», например, не оказалась ни в одном российском театре — добыли их в почти забытом архиве с помощью друзей из Мариинки, да и то переписанные от руки...

— Конечно, всего одно выступление в Москве — это так мало для любителей музыки. Но концерт Гулегиной будет записан на компакт-диск и издан фирмой «Жарптица» при содействии страхового общества «Кредо». И да продлится очарование...

На снимке: Мария Гулегина в роли Тоски.